

УДК 808

DOI: 10.17223/26188422/7/3

К. С. Шаров

ПРАВОСЛАВНАЯ ИНТЕРНЕТ-ПРОПОВЕДЬ В РОССИИ

В работе исследованы содержательные и стилистические особенности феномена православной интернет-проповеди. Подчеркнут двоякий характер интернет-проповеди. С одной стороны, она может являться довольно полезным инструментом распространения религиозных идей среди ряда социальных групп, например молодежи. С другой стороны, ее результаты подчас бывают непредсказуемы и даже противоположны тем, которые ожидает проповедник. По сравнению с другими христианскими конфессиями, православная интернет-проповедь является весьма молодой, насчитывающей не более 5–8 лет. В настоящий момент пока неясна эффективность интернет-гомилетики в России.

Ключевые слова: неканоническая религиозная проповедь, художественная проповедь, гомилетика, интернет-гомилетика, интернет-проповедь, эпоха интернета, цифровая эра, виртуальная проповедь, православие, христианство, постмодерн.

Введение

Каким образом столь консервативный и традиционный культурный феномен, как религиозная проповедь, стал связан с цифровыми технологиями и в первую очередь с публичной телекоммуникационной сетью интернет? Пространство интернета охватывает все больше сфер коммуникации людей. Люди, использующие смартфоны, практически безвыходно находятся в интернете: они могут активно, сознательно работать в нем, например, загружать и скачивать фотографии, музыку, видеоролики, посещать веб-сайты, читать сообщения в форумах и чатах, общаться друг с другом, отправляя электронные письма и «быстрые послания» в мессенджерах – средствах мгновенного обмена информацией, либо пассивно. Когда мы не смотрим в экраны наших компьютеров, планшетов, смартфонов, то программы и приложения, которыми мы постоянно пользуемся, все равно продолжают выходить

в интернет в фоновом режиме. Они самостоятельно подключаются к компьютерам, планшетам, смартфонам других людей, серверам интернет-провайдеров и владельцев программного обеспечения, дата-центрам, поисковым системам, обновляют веб-страницы и собственные базы данных, изменяют информацию, которой мы впоследствии воспользуемся. Практически никто никогда не выключает свой смартфон, а ряд людей даже не подозревает, что интернет в смартфоне можно потенциально выключить – сделать это полностью далеко не простая задача. При этом более половины населения земного шара в конце 2010-х гг. использует именно смартфоны, а не простые сотовые телефоны без интернет-модуля. Поэтому смартфоны непрерывно выводят своих хозяев – согласно их воле или против нее – в мировую сеть. Сама жизнь становится сетевой.

Не могла остаться в стороне от этих процессов и религиозная проповедь. При этом христианская гомилетика появилась в сетевом пространстве позже других религий. Мусульманские, иудейские и буддистские проповедники уже в начале 1990-х гг. пытались освоить пространство интернета [1. С. 86; 2. С. 216; 3. С. 38], в то время как первые христианские проповедники – лютеране, англикане и баптисты – стали использовать сетевые и цифровые технологии лишь спустя примерно десять лет [4. Р. 194–195]. Фундаменталисты из всех религий используют вербовку в интернете и социальных сетях как один из своих главных гомилетических инструментов [3. С. 39]. После англиканской примерно к 2005 г. в сетевое пространство начала активно проникать католическая проповедь [5. Р. 21]. Наконец, представители православной гомилетики включили интернет в число своих средств лишь в начале 2010-х гг.

Сейчас, в конце 2010-х гг., феномен цифровой проповеди в католичестве и англиканизме переживает стадию бурного развития, тогда как в России он только начинает развиваться. Семь лет назад патриарх Московский и Всея Руси Кирилл благословил первый случай цифровой проповеди – создание первого православного видеоканала на интернет-ресурсе *Youtube* [6. С. 241]. С тех пор в России сетевая проповедь набирает обороты. Вначале данную традицию поддерживали лишь некоторые светские проповедники, обладающие необходимыми техническими навыками, а не клир [7. С. 278]. Они исполняли и гомилетическую, и техническую роль, размещая на сайте проповеднические тексты и иную информацию. Некоторые из таких го-

милетических вебсайтов являлись сектантскими и даже враждебными Русской Православной церкви [6. С. 240–241]. Однако в данный момент ситуация уже изменилась: большую часть православных гомилетических интернет-ресурсов ведут православные священники [8].

Многие известные представители русского православного духовенства в том или ином виде общаются со своей аудиторией посредством интернет-технологий. Практически у каждого православного храма сейчас есть свой веб-сайт, где периодически выкладываются материалы гомилетического характера. Ряд представителей духовенства являются активными блоггерами, другие ведут активную гомилетическую деятельность в социальных сетях а иные появляются в цифровом мире чаще, чем в реальности у себя в храме [9].

Православная интернет-проповедь имеет свою особую целевую аудиторию. Так, она в целом не рассчитана на активных прихожан [10. С. 94]. Однако среди домохозяек, находящихся в декретном отпуске женщин, молодежи, среди фрилансеров, работающих все время за компьютером, людей, по той или иной причине редко ходящих в церковь, она часто оказывается наиболее популярной формой гомилетического жанра [10. С. 95].

И содержание, и форма цифровой проповеди сильно отличаются от проповеди церковной. В статье на основе нашего анализа ряда российских проповеднических православных видеоканалов, видео- и текстовых блогов, форумов и чатов, веб-сайтов и новостных религиозных интернетовских лент мы проанализируем основные языковые особенности православной цифровой проповеди в современной России. Различать понятия цифровой, сетевой и интернет-проповеди на страницах статьи мы не будем, считая их в нашем семантическом поле синонимами. В общем это не так, однако для задач нашего исследования в данном случае разницей можно пренебречь.

Методология

В исследовании применялись следующие методы анализа: семантический, структурный, герменевтический, интертекстуальный, метод анализа и синтеза. Объект изучения – подборка из 164 российских гомилетических православных видеоканалов, видеоблогов, текстовых блогов, форумов и чатов, веб-сайтов и новостных религиозных интернетовских лент. Особое внимание уделено исследованию особен-

ностей гомилетики наиболее известных российских православных интернет-проповедников: профессора Московской Духовной академии Алексея Ильича Осипова, протоиерея Димитрия Смирнова, протоиерея Андрея Ткачева, протоиерея Александра Ильяшенко, протоиерея Андрея Федосова («Киберпопа»), иерея Георгия Максимова, иерея Александра Кухты, иерея Даниила Сысоева, протоиерея Владимира Головина, протодиакона Андрея Кураева.

В общей сложности для выявления стилистических и содержательных особенностей было проанализировано 164 случая интернет-проповедей, из которых три четверти составили проповеди указанных священнослужителей Русской Православной церкви и светских богословов.

Исследование и результаты

Анализ объектов православного гомилетического медиапространства показал, что содержательными особенностями христианской интернет-проповеди можно считать следующие.

Во-первых, это адресность. Классическая (каноническая) церковная проповедь, в основном, построена на осмыслении библейских цитат, агиографических источников, трактовке памятных и праздничных дней. Она редко затрагивает тему индивидуальных проблем и задач церковной паствы. Однако цифровая неканоническая проповедь, в отличие от канонической, сугубо адресна. Проповедник здесь обращается к нуждам, проблемам, задачам, перспективам своих виртуальных прихожан [11. С. 471–474]. Катехизация (обучение истинам религиозной веры) в православной интернет-проповеди заменяется на обсуждение социально значимых тем, с чем согласен и католический исследователь священник Антонио Спадаро [12. Р. 64]. На основе исследования комментариев в православных гомилетических интернет-ресурсах мы заключаем, что многим виртуальным «пасомым» становится неинтересно слушать о классических темах проповеди: догматической теологии, священной истории, истории церкви и т.п. Ряд комментариев содержал посыл, что в случае, если бы виртуальная аудитория желала послушать каноническую проповедь, то она скорее всего пришла бы в церковь. Виртуальная аудитория часто выражает желание обсудить собственные религиозные идеи и мнения людей,

равно как и получение ответа на волнующие их вопросы, но не общие рассуждения о вере, церкви, Боге.

Во-вторых, происходит переоценка степени близости человека в рамках паствы. Каноническая проповедь формируется на разделении людей на воцерковленных и нет. Однако в сетевом сообществе принципы формирования групп иные. Например, в социальных сетях используется термин *friend*, «друг» [13. Р. 145]. Разумеется, понятие виртуального «друга» не включает настоящей дружбы в прямом смысле этого слова и является исключительно условным. Тем не менее этот термин обозначает максимальную степень цифровой связанности, «близости» двух или большего количества индивидов. Например, человек № 1 становится «другом» человеку № 2, отправляя запрос «на дружбу». Если этот запрос удовлетворен, то в числе «друзей» человека № 2 появляется новое окошко с изображением – «визитной карточкой» человека № 1 (на сленге сетевых сообществ – *аватаркой*). Два индивида начинают «дружить». К этому слову сводятся обмен фотографиями, аудио- и видеоклипами, а также просмотр новостной ленты, увлечений, игр, текущих виртуальных занятий, иных «друзей» друг друга. Когда человеку № 1 надоест «дружить» с человеком № 2 (или наоборот), он «отписывается» от него и «записывается» в друзья к другому (другим) индивидам. Вот, в сущности, в чем и состоит сетевая «дружба».

На понятии такой виртуальной «дружбы» строится цифровая паства проповедника. Однако каким образом проповедник может быть уверен, что большинство этих людей по-настоящему заинтересованы в его православных гомилетических интенциях? Сетевой проповедник априори не может разделить свою целевую аудиторию на по-настоящему заинтересованных людей и заглянувших на его страницу равнодушных интернет-серферов, которых интересуют вопросы, никак с самой проповедью не связанные. В связи с этим возникает содержательная и когнитивная неопределенность цифровой проповеди. Проповедь должна быть понятной слушателю, но священник в цифровом пространстве чаще всего неосведомлен о целях и задачах своих «пасомых», т.е. он не знает степени близости своей паствы к нему. По-настоящему заинтересованный слушатель в виртуальном мире часто подменяется на человека, праздно посещающего сайты с целью развлечения или траты времени.

В-третьих, необходимо выделить в качестве содержательных особенностей православной интернет-проповеди в современной России

переход от духовного делания, исихазма к интерактивности. Каноническая православная проповедь всегда была нацелена на выработку духовной и умственной сосредоточенности слушателей, на укрепление традиции исихазма. По мысли многих церковных писателей, проповедь должна стимулировать в людях «умную молитву» [14. С. 121]. Но получение информации через интернет и иные сетевые технологии подразумевает включение человека в быстроту, динамику цифрового мира, мгновенную сменяемость кадров, текстов и иных семантических блоков [15. Р. 26]. Слушатель проповеди исходно не нацелен на «умную молитву» или духовную сосредоточенность. Так, он может одновременно просматривать множество сайтов и выбирать субъективно более предпочтительные для него. Нет никаких гарантий того, что он не будет во время выступления проповедника переключаться между православной проповедью и сектантскими, фундаменталистскими или – того хуже – террористическими каналами.

Согласно результатам нашего исследования человек в сетевой среде чаще всего начинает выбирать те гомилетические ресурсы, в которых ему наибольшим образом импонирует язык. В связи с этим представляло интерес изучить также ряд формальных языковых особенностей православной интернет-проповеди в современной России. Как мы установили, стилистическими особенностями такой проповеди можно считать следующие.

1. *Выстраивание проповеди по принципу набора ответов на заданные вопросы.* Анализ откликов слушателей виртуальных проповедей показывает, что в современной России многие виртуальные «прихожане» – посетители гомилетических веб-ресурсов (около 65 %) – желают получить решение своих проблем *ad hoc* и не заинтересованы в более глубокой религиозной информации [16. С. 50]. Многие люди хотят, слушая проповедь, слышать конкретные ответы на конкретные вопросы, заданные ими [6. С. 244]. Тем не менее не стоит забывать, что проповедь, построенная только как совокупность ответов на некоторый перечень вопросов, представленный аудиторией, в полном смысле проповедью уже не является. Такой жанр можно назвать беседой со священником, но не проповедью слова Божьего. Полагаю, православным проповедникам легко попасть как в капкан «заигрывания» со своей виртуальной аудиторией, так и в противоположную крайность ловушки психологического подавления аудитории, высокомерного пренебрежения ее запросами, идеями и чаяниями. Пола-

гаю, так или иначе, но проповедникам не стоит замыкаться просто на ответах на вопросы паствы, а имеет смысл перейти к более сложным формам проповеди, включающим образовательные технологии, методологические вопросы и отчасти – катехизацию [13. Р. 24, 31].

Ряд авторов полагает, что, пользуясь интернетом, мы забываем о том, как правильно спрашивать – вводя в поисковике запрос, мы лишь указываем некие семантические маркеры, ключевые слова, но не задаем настоящего вопроса [17. Р. 112, 135, 188–190]. Отчасти из-за этого люди начинают воспринимать проповедь просто как получение очередной порции информации, в данном случае – религиозной информации, как набор многих возможных руководств к действию, предлагаемых поисковиком и конкретными веб-сайтами (чатами, блогами, форумами и т.п.) [12. Р. 50]. Но не будем забывать, что стилистика православной гомилетики явно не может быть сведена к простому перечислению возможных вариантов выдачи информации в поисковике, появившихся в ответ на запрос в строке.

2. *Соучастие.* Анализ методик, применяемых православными проповедниками в цифровой среде, показывает, что функция проповедника в интернет-формах гомилетики становится мало отличимой от роли заочного психоаналитика. Любой приходской священник в своей деятельности сталкивается с ситуациями, когда он вынужден становиться психоаналитиком и решать психологические проблемы прихожан [18. Р. 11, 26]. Однако в церкви прихожанин всегда более «подтянут», сосредоточен, психологически мобилизован, более внутренне дисциплинирован по отношению к себе, чем в цифровой среде, где он превращается из прихожанина в интернет-слушателя и становится уже более требователен к проповеднику. Проповедник часто сталкивается с проблемой неуправляемости своей аудитории. Так, если веб-ресурс позволяет слушателям обмениваться сообщениями не только с проповедником, но и друг с другом, чаще всего (более чем в 75 % проанализированных случаев) слушатели забывают о дисциплине, о своем первоначальном интересе к проповеди и начинают мало осмысленную либо вовсе бессмысленную болтовню в чате друг с другом, не имеющую отношения к самой проповеди. Нередки и случаи проявления массового «эффекта толпы», когда слушатели объединяются против проповедника и начинают словесную «травлю», когда каждый хочет выделиться на фоне безликой массы в остроумии, красноречии и способности более обидно оскорбить проповедника.

3. *Подстройка стиля и гомилетической риторики под аудиторию.* Подстройка речевого стиля и набора риторических приемов под слушателей – еще одно из важных условий успеха у современной православной интернет-аудитории. Здесь от проповедника требуется немалый талант артиста. Почему? Дело в том, что семантическое пространство цифровой проповеди часто воспринимается интернет-слушателями как постановка, театральная постановка, шоу, игра. Наличие у священника таланта актера повышает шанс его проповеди на успех, поскольку интернет-паства часто ожидает несерьезного, игрового, развлекательного начала в проповеди. Как показал наш анализ комментариев и отзывов слушателей (зрителей) на гомилетических православных сайтах, религиозная проповедь часто (примерно в 70 % случаев из 164 изученных образцов цифровой проповеди в российском секторе интернета) субъективно воспринимается аудиторией как желание проповедника ее развлечь. В результате от проповедника в цифровом пространстве начинают ожидать талантов ритора и актера одновременно. Наиболее положительных отзывов и комментариев в проанализированных нами гомилетических веб-ресурсах удавалось получить тем православным проповедникам, которые обладали высокой степенью харизмы, которую они использовали в основном для удержания внимания цифровой паствы, а не для улучшения своей филологической стилистики или повышения качества содержания проповеди.

4. *Жаргонизация.* Ряд священников и светских проповедников показывают явную тенденцию к поддержке андеграунда, неформалов, девиантных субкультур. Они идут на широкое использование жаргонизмов и субкультурной терминологии в своей проповеди, на сознательный отказ от литературного языка, на включение в текст проповеди сленговых слов и терминов. В подобной интернет-проповеди нередки компьютерные, молодежные, субкультурные жаргонизмы, малопонятные для большинства «реальных» прихожан храма вне цифрового мира.

Заключение

Возможно, интернет-проповедь сможет в будущем вполне успешно использоваться как один из инновационных лингвистических гомилетических приемов. А возможно, и нет, поскольку язык православной проповеди может оказаться в принципе несовместимым с современными интернет-технологиями. Так или иначе, на данном

этапе развития жанра его успех пока до конца непонятен, поскольку в настоящее время практически полностью отсутствуют статистические данные, которые можно было бы использовать для заключения об эффективности или неэффективности такой проповеди, а все суждения относительно цифровой православной гомилетики, как внутрицерковные, так и внешние для церкви, носят исключительно качественный, оценочный и глубоко субъективный характер.

Приводит ли православная интернет-гомилетика в российском интернет-пространстве к желаемым результатам? С одной стороны, нельзя отрицать потенциальную для церкви пользу религиозной проповеди во «всемирной сети». Отказавшись от такой проповеди, церковь может потерять значительную часть своей целевой аудитории для распространения православия, в основном, молодежь. С другой стороны, содержательные и стилистические расхождения православной интернет-проповеди с канонической церковной проповедью настолько сильны уже даже сейчас, что дальнейшая эволюция цифровой гомилетики может оказаться совершенно непредсказуемой и бесполезной для задачи распространения православной веры и православного мировоззрения, которую ставит перед собой Русская Православная церковь.

Православная интернет-проповедь в настоящее время может обрачиваться негативными последствиями не только для паствы, но и для самой церкви. Из подобных отрицательных примеров, которые встретились в нашем анализе, выделим следующие: 1) профанирование сакрального в угоду мирскому; 2) принятие представителями духовенства на себя шутовских ролей и понижение социального статуса священнослужителя; 3) конфликты между священниками, решаемые в интернет-среде с попытками привлечения максимально большого числа сторонников среди населения, превращение внутрицерковных проблем в проблемы общественные (например, Георгий Максимов и Андрей Ткачев); 4) соблазн, возникающий у ряда священнослужителей, имеющих доступ к сетевым технологиям, создания «электронных», «виртуальных», «цифровых» и т.п. церквей по примеру протестантского и сектантского мира (например, Владимир Головин, Андрей Федосов, Андрей Кураев); 5) использование ресурсов сетевых технологий для проповеди православного фундаментализма и разжигания межрелигиозной и межэтнической розни и даже ненависти к другим религиям (например, Даниил Сысоев). Некоторые православ-

ные священники начинают забывать о том, что они – пастыри, и превращаются в религиозных фанатиков, одержимых властью над умами, бесчестят и издеваются над иными конфессиями и религиями.

Но у православной интернет-проповеди в современной России есть и несомненные позитивные стороны, из которых отметим: 1) охват существенной части российского общества, теоретически – всех людей, имеющих доступ к цифровым технологиям; 2) укрепление образовательной функции церкви; 3) формирование устойчивого мировоззрения в среде молодежи, исключительно сильно вовлеченной в использование электронных технологий; 4) донесение религиозной проповеди до лиц с ограниченными возможностями, для которых посещение храма представляет проблему.

Как видим, православная интернет-проповедь в нынешней России – феномен амбивалентный. Однозначно пока можно утверждать лишь следующее. Православная интернет- (цифровая) проповедь на текущей стадии развития характеризуется четырьмя особенностями. Во-первых, она неканонична, т.е. ее применение не имеет всеобщего церковного признания и вряд ли получит его в обозримом будущем. Во-вторых, она во многом является художественной, поскольку проповедник зачастую отходит от структуры, тематики и филологических приемов церковной проповеди, выстраивая для своих зрителей и слушателей некоторый законченный художественный рассказ, обладающий в том числе функцией развлечения. При этом язык интернет-проповеди полностью отличается от традиционного православного гомилетического языка. В-третьих, успех такой проповеди исключительно тесно связан с личностными актерскими и риторическими способностями проповедника, его харизмой. И в-четвертых, интернет-проповедь существенно меняет облик православного священнослужителя в глазах общественности, делая его одним из мира, а не стоящим на церковном амвоне.

Литература

1. Актамов И. Г., Бадмацыренов Т. Б., Доржиева И. Ц. Буддизм в интернете: методология изучения виртуальных религиозных сообществ // Вестн. Бурят. гос. ун-та. Педагогика. Филология. Философия. 2015. № 6. С. 86–91.
2. Гимадеева Д. Р. Религиозная традиция и современные идентичности в татарских интернет-сообществах // Вестн. экономики, права и социологии. 2012. № 4. С. 216–219.

3. Голядин Н. П., Горячев А. В. Мотивации вербовки в экстремистские и террористические организации // Вестн. Краснодар. ун-та МВД России. 2013. № 2 (20). С. 37–40.

4. Cole-Turner R. Transhumanism and Christianity // Transhumanism and Transcendence: Christian Hope in an Age of Technological Enhancement. Ed. by R. Cole-Turner. Washington, DC : Georgetown University Press, 2011. P. 193–204.

5. Spadaro A. Quando la fede si fa social. Bologna : EMI, 2015. 64 p.

6. Свиридова Н. В. Религия онлайн // Философские проблемы информационных технологий и киберпространства. 2011. № 2. С. 238–247.

7. Иванов А. В. Цифровая религия // Изв. Сарат. ун-та. Новая сер. Сер. Филология. Психология. Педагогика. 2018. Т. 18, № 4. С. 377–381.

8. Православные блогеры. РПЦ дала инструкции священникам, ведущим собственные каналы в интернете // BFM.RU. 2018. 5 авг. URL: <https://www.bfm.ru/news/391558> (дата обращения 20.02.2019).

9. Клименко А. Трезвый батя, Batushka и Киберпоп: священники-блогеры ищут границы между хайпом и проповедью // Федеральное агентство новостей. 2018. 4 окт. URL: <https://riafan.ru/1106451-trezvyi-batya-batushka-i-kiberpop-svyashenniki-blogery-ishut-granicy-mezhdu-khaipom-i-propovedyu> (дата обращения: 15.02.2019).

10. Сидоренко Н. С. Особенности исследования религии в современном обществе // Науч. вестн. Южного ин-та менеджмента. 2014. № 3. С. 93–98.

11. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М. : ЦЕУ, 2000.

12. Spadaro A. Cybertheology: Thinking Christianity in the Era of the Internet. New York : Fordham University Press, 2014.

13. Siker J. Liquid Scripture. Minneapolis, MN : Augsburg Fortress Publishers, 2017.

14. Тихонова Г. Ю., Гиниятова Е. В. Особенности формирования религиозной личности в современном культурном пространстве // Изв. Том. политех. ун-та. 2013. Т. 322, № 6. С. 120–123.

15. Jacobs A. Christianity and the Future of the Book // The New Atlantis. 2011. № 33. P. 19–36.

16. Калашикова М. Б. Особенности религиозности российской молодежи // Вестн. Новг. гос. ун-та им. Ярослава Мудрого. 2016. № 93. С. 49–54.

17. Francis, Pope, Spadaro A. Open to God: Open to the World. London : Bloomsbury Continuum, 2018.

18. Noble A. Disruptive Witness: Speaking Truth in a Distracted Age. Downer's Grove, IL : InterVarsity Press, 2018.

Orthodox Internet Preaching in Russia

Voprosy zhurnalistiki – Russian Journal of Media Studies. 2020. 7. pp. 42–55.

Konstantin S. Sharov, Koltzov Institute of Developmental Biology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: const.sharov@mail.ru
DOI: 10.17223/26188422/7/3

Keywords: non-canonical religious sermon, homiletics, Internet homiletics, Internet, Internet era, digital era, Internet sermon, Orthodoxy, Orthodox Christianity, post-modernity.

The article covers a study of the content and stylistic features of modern Orthodox Internet religious sermon in Russian net media space. The language of contemporary Russian Orthodox preachers keeping their Internet video channels, websites, chats, forums and blogs is analysed using semantic, structural, and intertextual methods. A special attention is paid to the analysis of the rhetoric of the most widely known Russian Orthodox Internet preachers: Alexei Osipov, professor of Moscow Theological Academy; Archpriest Fr. Dimitry Smirnov; Archpriest Fr. Andrey Tkachev; Archpriest Fr. Alexander Ilyashenko; Archpriest Fr. Andrei Fedosov (“Kiberpop” [Cyberpriest]); Fr. Georgy Maximov; Fr. Alexander Kukhta; Fr. Daniil Sysoev; Archpriest Fr. Vladimir Golovin; Protodeacon Andrey Kuraev. 164 digital sermons have been studied in total, of which three quarters are comprised by the sermons of the afore mentioned Russian Orthodox preachers. It is demonstrated that the content of the Internet sermon is largely determined by the Internet users themselves and the topics of their appeals and queries. The fundamental characteristics of the content of the Internet sermon may be regarded as follows: (1) the focus on the individual, private goals and objectives, not just on theoretic theological problems; (2) re-consideration of the phenomenon of one’s neighbour; (3) the shift from the classical Orthodox tradition of preaching the importance of inner spiritual concentration to preaching religious interactivity. The features of the style of the Internet Orthodox sermon in modern Russia can be considered as follows: (1) transition from simple answers to the rhetoric of new questions addressed to the audience; (2) empathy towards people in their life conflicts and experiences; (3) desire to share religious information, and not to impose it; (4) various rhetorical techniques for different audiences; (5) tendency to overuse slang, sometimes even against the digital audience’s expectations. The equivocal nature of today’s Internet Christian sermon is emphasised. It may be both helpful and unproductive regarding the goals of the preacher. Currently, the effectiveness of Internet homiletics in Russia is unclear. There are no statistical data confirming or refuting its usefulness for the Russian Orthodox Church and the task of preaching Orthodoxy. The estimates given in the literature are only qualitative. Compared with the Roman Catholic and Anglican traditions of digital preaching, the Russian phenomenon of Orthodox Internet homiletics is very young. Mainly for this reason, it is difficult to elaborate final or even intermediate conclusions about its efficiency.

References

1. Aktamov, I.G., Badmatsyrenov, T.B. & Dorzhieva, I.Ts. (2015) Buddhism on the Internet: The Methodology of Virtual Religious Communities Study. *Vestn. Buryat. gos. un-ta. Pedagogika. Filologiya. Filosofiya*. 6. pp. 86–91. (In Russian).

2. Gimadeeva, D.R. (2012) Religious Tradition and Present-Day Identities in Tatar Internet-Communities. *Vestn. ekonomiki, prava i sotsiologii – The Review of Economy, the Law and Sociology*. 4. pp. 216–219. (In Russian).
3. Golyandin, N.P. & Goryachev, A.V. (2013) Motivation for Recruitment in Extremist and Terrorist Organizations. *Vestn. Krasnodar. un-ta MVD Rossii – Bulletin of Krasnodar University of Russian MIA*. 2 (20). pp. 37–40. (In Russian).
4. Cole-Turner, R. (2011) Transhumanism and Christianity. In: Cole-Turner, R. (ed.) *Transhumanism and Transcendence: Christian Hope in an Age of Technological Enhancement*. Washington, DC : Georgetown University Press. pp. 193–204.
5. Spadaro, A. (2015) *Quando la fede si fa social*. Bologna: EMI.
6. Sviridova, N.V. (2011) Religiya onlayn [Religion Online]. *Filosofskie problemy informatsionnykh tekhnologiy i kiberprostranstva*. 2. pp. 238–247.
7. Ivanov, A.V. (2018) Digital Religion. *Izv. Saratov. un-ta. Novaya ser. Ser. Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika – Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Philosophy. Psychology. Pedagogy*. 18 (4). pp. 377–381. (In Russian). DOI: 10.18500/1819-7671-2018-18-4-377-381
8. BFM.RU. (2018) *Pravoslavnye blogery. RPTs dala instruktсии svyashchennikam, vedushchim sobstvennye kanaly v internete* [Orthodox Bloggers. The Russian Orthodox Church Gave Instructions to Priests with Their Own Channels on the Internet]. 5 August. [Online] Available from: <https://www.bfm.ru/news/391558>. (Accessed: 20.02.2019).
9. Klimenko, A. (2018) *Trezvyy batya, Batushka i Kiberpop: svyashchenniki-blogery ishchut granitsy mezhdu khaypom i propoved'yu* [Trezvyy batya, Batushka and Kiberpop: Blogger Priests Are Looking for Boundaries Between Hype and Sermon]. [Online] Available from: <https://riafan.ru/1106451-trezvyi-batya-batushka-i-kiberpop-svyashchenniki-blogery-ishut-granicy-mezhdu-khaipom-i-propovedyu>. (Accessed: 15.02.2019).
10. Sidorenko, N.S. (2014) Features of Research of Religion in Modern Society. *Nauch. Vestn. Yuzhnogo in-ta menedzhmenta – Scientific Bulletin of the Southern Institute of Management*. 3. pp. 93–98. (In Russian).
11. Castells, M. (2000) *Informatsionnaya epokha: ekonomika, obshchestvo i kul'tura* [The Information Age: Economy, Society and Culture]. Translated from English. Moscow: HSE.
12. Spadaro, A. (2014) *Cybertheology: Thinking Christianity in the Era of the Internet*. New York: Fordham University Press.
13. Siker, J. (2017) *Liquid Scripture*. Minneapolis, MN: Augsburg Fortress Publishers.
14. Tikhonova, G.Yu. & Giniyatova, E.V. (2013) Osobennosti formirovaniya religioznoy lichnosti v sovremennom kul'turnom prostranstve [Features of the Formation of a Religious Personality in the Modern Cultural Space]. *Izv. Tom. politekh. un-ta – Bulletin of Tomsk Polytechnic University*. 322 (6). pp. 120–123.

15. Jacobs, A. (2011) Christianity and the Future of the Book. *The New Atlantis*. 33. pp. 19–36.
16. Kalashnikova, M.B. (2016) Features of Russian Youth’s Religiosity. *Vestn. Novg. gos. un-ta im. Yaroslava Mudrogo – Vestnik of Yaroslav the Wise Novgorod State University*. 93. pp. 49–54. (In Russian).
17. Pope Francis & Spadaro, A. (2018) *Open to God: Open to the World*. London: Bloomsbury Continuum.
18. Noble, A. (2018) *Disruptive Witness: Speaking Truth in a Distracted Age*. Downer’s Grove, IL: InterVarsity Press.